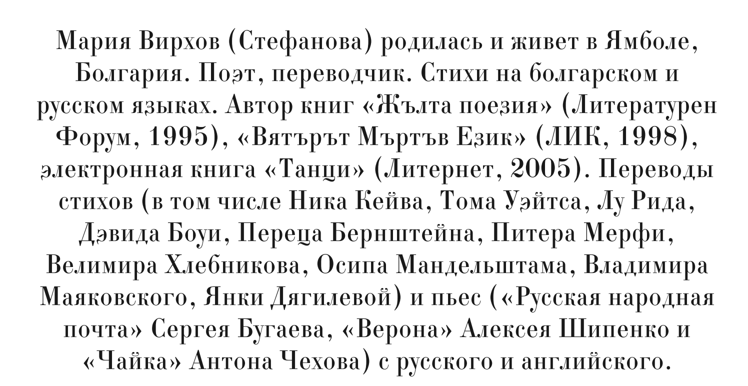
nikomea_Layout 1 29.08.2010 4:50 Page 1

Мария Вирхов

НИКОМЕЯ

Москва, Автохтон

2010

Мария Вирхов (Стефанова) родилась и живет в Ямболе, Болгария. Поэт, переводчик. Стихи на болгарском и русском языках. Автор книг «Жълта поезия» (Литературен Форум, 1995), «Вятърът Мъртъв Език» (ЛИК, 1998), электронная книга «Танци» (Литернет, 2005). Переводы стихов (в том числе Ника Кейва, Тома Уэйтса, Лу Рида, Дэвида Боуи, Переца Бернштейна, Питера Мерфи, Велимира Хлебникова, Осипа Мандельштама, Владимира Маяковского, Янки Дягилевой) и пьес («Русская народная почта» Сергея Бугаева, «Верона» Алексея Шипенко и «Чайка» Антона Чехова) с русского и английского.

Редактор *Павел Гольдин*

В оформлении использована работа *Марины Шафеевой*

Тираж 200 экз.

предисловие

Рудольф Вирхов, фамилия которого стала псевдонимом автора этой книги, среди прочего изучал анатомию и основал Патологический музей. Пожалуй, именно эта сторона деятельности великого биолога может служить наиболее удачной метафорой для «Никомеи». Книга Марии Вирхов – экскурс во внутренности языка (не лишенная двусмысленности тавтология!), своеобразный анатомический театр. Эта книга напоминает рентгеновский снимок, скрывающий «мягкое и живое» и обнажающий «твердое и мертвое» – первостепенные детали с точки зрения врача или палеонтолога. «Никомея» – это скелет языка. Это книга коротких стихотворений, коротких слов, фрагментов и сокращений, лаконичных формул, пробелов и недоговорок.

[К словарю сокращений: двудельный – двухнедельной давности, тж. двойственный; чревьи – чревные черви].

Еще одно важное свойство «Никомеи» – эксцентричность, маргинальность. Позиция героев книги – потустороннее существование, репортаж из преисподней. Автор явным образом упоминает эмигрантку-Цветаеву; мне же вспоминается скорее абеляровская «История моих бедствий». Героини «Никомеи» – царевны-лягушки, русалки, не принадлежащие толком ни земле, ни воде, ни речи.

И последнее, на что мне хотелось бы обратить внимание читателя, – эту книгу нужно читать вслух. «Никомея» – книга звуков.

Павел Гольдин

алексею полеву, юле фридман, павлу гольдину, владимиру богомякову, илье блажнову, мите щедрину, сергею соколовскому, ивану лахтурову, владимиру никритину, марине шафеевой, ясне москаленко, владимиру сабоурину, полине качулевой и всем моим мировым друзьям, которые помогли мне укрепить веру и дух во времена несчастий посвящается

не ломом не цепями не убило
и не пером, сестра, меня пошило
дурным ударом пристальной косы

струя отхлынула, меня не смыло
лишь уносило лоск с ворох ресниц
кому двудельный трупик боевицы?

теперь любовь в бездарном черном ложе
что по ночам меня стрелой тревожит
и много ей, а даром хороша

скажи, сестра, куда звездой зашла
не обратило ей в струю
беззвучьего дремучего чернило?

накатило по рыло ходи не прощайся пустое мое веретено
тут карманщики шили и нечем покрыть даже дырки
иных сигарет
я тебя не любила я думала только про время
что времени слишком
сбереги свою белую кисть от прихода лови
что возможно вслед

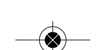
там где раньше водили друзей по сей день
не пролезть не перелести
тока бабка сабачка вихляет дверьми ей некуда больше успеть
я себя не любила я пила вина и курила того чего нет
может боги простые такого простят им по приколу а мне фиг

по бульвару по спелой пыли начертали стихи
насекомые крылья хрустят
их ходят и давят хорошие люди случайно не глядя вниз
небо жирное помня солнце воротит косматый лучами бред
уходя по бульвару вниз где камни спят

прожгло томление прореху
прошило да не перешло
мы ждем у дна и нам не к спеху
и дно дыряво как яйцо

а над волнами машет ручкой
не нам глумливый капитан
ссыпая жизнь трухлявой кучкой
не в наш проплавленный карман

так список вежливых отметь
все жиже пашет мылом сетин
кончать исчерченных поэтин
необходимо побыстреть

прогуляю я тебя
там где тает бирюза
там где зодчих хоровод
провертел небесный вход

полюблю ли за кольцо
за нехожее словцо
за бесплодное рыданье
за попутное лобзанье

чахнет кустик за окном
заливали кипятком

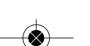
слишком часто берегись
тише дольше уколись
на веретено на мое

оболевшая красавница
лужница и иностранница
я тебя и так беру

бесприданийца

ио

как львица жертву мягко обнимает
вонзая зубы в шерстяное горло
а жертва трепеща умильно тает
так солнце восполняется и тащит
сырую ночь рыча в свое логово
и жилу рвет ей голую на шее
соленой жижей наполняя чашу
лучами волосатыми вихляя
над океаном встанет и стоит
над ризой океанного зеркалья
пока там рыбы не сведут долги
проглотят космос встанут на колени
так боги любят нас своих растений

– то не жди –

у нас будут эфиры
парфиры хрустальный мед

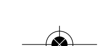
у нас новый год впереди
недолет изумителен

попадая всегда просто так
в ништяное свое волокно

я клянусь моей матери птицой
все концом хорошо

саном живых
и мир детя

вы, я вижу, двоитесь, правитель
у меня же – манна и каша
а в каше – сто тысяч зерен
и каждое – небожитель, кажется

лапкою горн пожав
слезкою грязь утрев
жалости лень поймав
сладости ком

я ведь твоя давно
милого месть равно
сто милионов рыб
прялок сплело

той без меня пожар
едкий телесный пар
жаба клокочет черт

чернь не поправь

было дело не до слез
до кумарных прежих гайстов
что на небо ложут воз
а на жопу тычат пальцо

я тобой совсем не знал
как продвинуть дело миров
так – теперь проведал звяр
в так – помянул и прокинул

чта тебе на ржавый кол
чай теперь дорога в падло
сгинь, пихнись пока ты цьол
там, где никому не надо

тук и там

на полу пищала каша
уй нещадна доля наша
обессудьте за дурло
то винцо

а кобылку пятипалую
раз подуйте в ноздрю алую

таки

мюнхаузим
себя за жоп
раз-и-два-и-тре
але
оп!

так

там птица светит лицом
там ресницы
отмыты до сребра

текуч на быль и прибыль праг
и некуда маринку подевати

день до края не дошел
как в капусте пересел
там живут и роют ход
чревьи те что сердцем род

мокрый мел не пишется
зыбкая доска
на винте зависнула
ниточка со сна

я по этой ниточке
ровно как пойду
лом в руках колышется
шансы на ничью

белая помада
скисла на губах
ухожу из ада
обращаюсь в прах

пустота уляжется
прах уйдет к звездам
лишь тебя сердешного
не увижу там

молитва про николая, сына звезды

боже будь со мной и тут
избави от боли
тяжкий жар далекий путь
маяться в неволе

пожалей не испытай
дочь свою звезду
сыновей не отымай
вот тебе мою

тебе кому
на ледоход
мне пряпокрыла вез

тебе тебе
еще кому
я белый камень чет

тебе еще
тебе кому
святлее сан

тебе тот пряпор
все теперь
твое

пуговка кнопка
зеленая точка
мелкая ртуть

умаляет большого льва
да мог бы скушать
пол-огурца

наиграй мне подруга про ад
мне не видно из окон любезных
там парад мертвецов моих чад
не понять мне без взгляда на песню

я во сне только видела гроз
мне не ясен происход их грома
я хочу тебя слышать пищать
как ты корчишься в муках пролома

а еще отснимай свою боль
луннобрысою кровушкой плесни
я во сне только видела кровь
и она была сладкой и пресной

то ли друг тебя скинул в кошель
я не ведаю мук твоих робких
но спляши а еще лучше в цель
попади на задворках природских

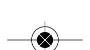
и не ведай сомненья я тут
я стоять буду пряма в постели
и по блядской груди потекут
жир и пот, и откроются двери

безжалостнее дерева ази

не говори мне про любовь, сердешный
я верою жива и сердца песк
проводит слов беспечных в полростка
а половины шагом от клинка

я жильный ток, я волчая жена
я никомея, парус без крыла

не ветром шито, не осила

что им по ветрам
тебе по утрам

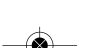
а там по сплошному венцу

что выкинул гам
качи нам в казан
куй в карман
лей в пизду

онулина
другарка
зараз

та что кинута
вчерашним
сном

так тебе по перям
то что каза
оказал
мерто
птям

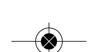
луцифер ночь уже провожает
корчит постель
кровью поскольку ударом стреляет
некая шмель

лютая плюнь оловяно блестит
дико глаза выпивает моим
равно ей ветер-и-обруч свистит

луцифер пее

сколько крови для удара нужны
столько ей нужно в землю уйти
я из последних за мною сквозит
воскресенье

некогда немая тень

и то сказать – пора листать стропила
подтачивать листы
вздымать пора
свои пера на рост больного кита

на меру мира
в меру подобрав
говна и мыла
корыстью поправь
свои сточенные копыта
вещие рога

ты миру мера
милая смурна
ты никомея
месяца жена

и то тебе идет
коза мария

ознаки поганого крабу

а я и знаю тогошнего краба
проглотишь и ша, ловить не надо
дышу на воду, вода твердит
и краб уходит, уходит не кит
как женщина ростом в стотысяч зениц
как женщина остров за морем страниц
иди поближе смотри на звон
она тебя любит
но ты ли он?

ты думаешь уходишь укрощаешь
ты укорачиваешь сток

обещанное с прошлым обвенчать
чтоб был урок прощенному глупцу

ты некий век нечеловечкам дан
юди, пока я пьян

колцо и свинец

плавни солнца вон сметало те дурманные холма
так – за жизнь семян упало птицы шалое дитя

так – ступала по перине синеуса буква а
было ветрено могилке

била птаха зла

не звезд уход идти в туман
но я – провинциал и гам
и мной не брезгует стакан
имея точек превосходство

домой – служения высотство
домой – дурак разбран

крошки в чистку воробьян

заимели угрожение
птыцой у себя домой

заебали навождением
я не твой, но ты-то мой

закрутили завертуна
коли был бы был бы святъ

я тебе не птыца, кура,
я – болван, фолшифка

возьмем врага

бутсы, 2 kilo each
расставляем по кочкам
враг, как водится, трус

или нет

тада начнется
бутус, карнавал
шрам на левой от зубов

раны, если не слышали, заживают нехорошо

но у меня ниче

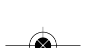
этот готов

причем, я?

птицелов, и тот

проще всего отойти и плюнуть в урну
рядом с деревом тоже довольно культурно
все сожрет

мягко белое поле на коричневу почву пало
тушки мелких зверей с пылью божьих коров смешало
лаской синяя мгла укрыла спинные кораллы
к нам пришла долгожданная новость, нас назвали
время плеть, ею бьют особо заблудших гостей
что пошли на огонь, а попали в ворота вещей
так вот — этого больше не будет, всем будут проценты
кто работал рабом, чтоб заткнуть хлебным комом рты
кто наоборот лишь перемалывал,
плавя из рабского мела центы
все получим сполна, всем будет вовек остаток
белый пепел укроет горя морщины гладко так
дыра, что вбирала в себя лиц любимых,
рванет молодою звездою
все откроется лишь одним нажатием кнопки родной рукою
будет медь на губе, для негожих покой и возврат в сентябрь
для всех остальных милосердная плесень тихо укроет жабры
я устала, родные, бьет дрожь, ломает и пот
я скучаю по вас, но скоро, уже пританцовывая
это шива идет, щека в щеке, с марганцовой новою

расскажи мне про себя
я тебя совсем не знаю
рядом воют ебеня
и любая хата с краю

расскажи чем мил и жив
может сердце дрогнет пухом
что на ветер положил
свой белесый вес и рухо

бедная ты бедная
желтая последняя
радость несмеянная
жалость недодранная

расскажи мне про войну
блядь, убили абдуллу
и абрама и кирилла
и не найдена могила

у меня могила есть
хочешь - тоже расскажу
там растет пшено и пес
ходит по цепи как круг

милая я левая
ласковая белая
так и пролежала
никого не ждала

а людям теперь можно будет скрести по сусекам
всласть и в пах
уйти к милому боженьке в пасть одновременно у громил
вертясь на хуях
и пускай боже тоже увидит какая у нас гадость
в умах и наоборот
сойдет на свою землю всех нас подстрижет
и по станциям развезет

маша ходила по дну а рядышком лихо плыло
не ясно когда оно появилось но про любовь точно было
лихо делало вид все как надо и в приход обнимало
лихо чтило науку и правильно понимало
что маркетинг это тебе не клоп маркетинг это право
оно даже начально как бы в машку входило и принимало
тут корку подкинет там похвалит а там продвинет
но вот захромала маша у нее заболело колено
потому что залила кислым раствором помимо вены
брели в понедельник во вторник и даже полсереды
тут лиху стало уже до совсем пизды
оно маше достаточно и без того много подало
поначалу лихо так слегка отставало
а потом маша повернулась а его уже не стало
помнит маша предатель не враг тока друг прикинул
что им уж не по пути поплыл наверх и правильно двинул
а маше осталось лишь дальше с собой валяться
в черной грязи где белые червьи с машей будут ебаться
и кто бы ответил как надо тому медаль
я падаль ты падаль а лихо уплыло вдаль

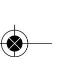
нарисуй мне дорогу радугу
а под радугой море белое
в том море жизнь бестолковая
кругами идет и трепещет

треугольным куском пряника
поделись хоть за краем света
там гуляет собака павлова
и спасибо скажет за это

за землей за крутыми скалами
мой милый живет-мается
нарисуй мне гору трехголовую
и лестницу луч платьеца

мне б обнять его ручкой ласково
прикоснуться к нему кожей шороха
только сердце совсем спряталось
кругами идет, трепещет

нарисуй не скупись золотом
красным золотом медью пламенной
а я лягу в могилу ладная
и зубами скрипну, последне

если ком в горле расплавить
от него зерно останется
белее трирога чернее вишни

металл сродни камню вода враг
поскольку боль выносима и град
на глазах глухнет колесо черствее
и враг бушует, зерно немеет

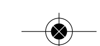
на небе в колене в полях и лесах
торопливо шкуру снимают с костях
все видно все ясно блестит канва
на тесной тропине всегда тясно

охотник один капитанов – два
и мрак в голубятне верна лишь рана
колено гноит героя остров
смердит рыбаки объезжают рукав плача в

иногда, подруга, гляну в небе равно-сером
жидкие разводы клякс чужих потреб
а моя на них смотрится таким ущербом
как горелый пластик на сухой трухе

треба тут помянуть мне довольно стыдно
человек по сути честью честь поправ
редкая лягушка так споет про рыбок
рядом плыть возможно, но противно как-то, блядь

nikomea_Layout 1 29.08.2010 4:50 Page 42

вот тебе турка, маорка, араб
вот тебе мех лить вино с винограда
вот тебе руки и вот тебе нож
шкура врага – в ней чего не пихнешь

{жеж}

ре-ше   ше-ба
бе-ше   ри-жа
ве-ше   ба-ша
(О)
жа-ба   де-жа
ко-жа   вю-ша
че-ше   ма-ша
за
>жу<
>жа<
V

только небо только ветер
только плач со сна к рассвету

нам качели накачали
нам гулялки нагуляли
рыбний пень пустой накал
столько по миру пылял

были девочки а стали
бубы в гипсовом крахмале
жабы в розовой обертке

доставайте-ка отвертки
да точите палачи
жирные свои мячи

всех убить меня оставить
я и буду править

на переднике ромашка дух резины из подтяжки
под полой сухая кость
сбилась в пень коса под пряжкой кровь дымилась
жгли гостью как жгли бы мост
на растяжке рыжий бантик хвостиком свернулся пальчик
поправлять походу влом
срам пригладил резво бутсы вставил в уши по бутуске
и прикинулся козлом
и колонны резвых роз выходили по плацдарму по пробору
на бумаге будто вши
ваша маша больно пнулась сотню лет для мошкары
некому таскать мячи из болот
свиньям яблочное сердце достается а поместно мякоть
подадут богам на компот
боги слопают посмертно над костром вихляє перцем
непотрібний битий дрон
да и тот не помнит место где зарыт киот и что в нем

тики тики у меня

я что-то хотела написать, потом забыла
потом стало ясно что не написать даже, а так

тики тики одиночки у часов
крутят стрелочки-цепочки круг готов

еще у меня завелся целый сонм паразитных слов

текиток

над маленькими косточками воин непомышь
отплясывает танец костылями из ореха
и слышно рядом с тропотом лесным припева писк
и красен бубен лентами восточного рассвета

гора рожает раз между восходом и обедом
закат съедает всех кто не достал живьем до хребта

и пище смерть – желанная, желанная, приди
покрась в голимый цвет тропу поганца сыроеда
ведь у последнего один язык стрелы
и никакая тварь не смеет лечь в загон без меты

пройтись через холодные мосты
взглянуть под них на спящих акробатов
себя увидеть спящим среди них
с изломом нос и белая халатом

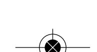
на сотни километров вдоль дорог
кирпичными забрами плесневея
и друг заместо руки сжал в кусок
кармана жабу и играет ею

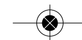
а жаба та конечно непроста
в заушниках мелочного разлива
и хоть горчива зол пожатый сок
дороже сердцу блатного пигмея

и что с того что вижу в зеркала
на утро похмеливого шута
щупальцем тычет отражение

я помню про любовь и про волнение
на мостовых воды резной кипение
и хуй тебе, по старому, война

топлю, пеку и сметаю пепел

арфата

в живот и в грудь и в черствое колено
в сырую пасть в глухую мякоть кукол
свистела кровь цветала роза вены
над океаном бился горький купол

не сумрачных селениях пробелы –
взвихренный внеобъятный горизонт
взметнулись ангелы обмякли стрелы
достигнув беспощадный свой резон

нет тут пока не сорвана зарница
и не сорвется бога уголец
свистит звезда и улыбает птица
мария вирха – облачен венец

стърчичовече

черното ходи по бялото
бялото ходи по цялото
цялото ходи по верното
верното връща се в черното

послесловие

Когда два года назад дал себе обещание написать о стихах Марии Вирхов, составивших книгу «Никомея», не предполагал, что задача окажется столь сложной – и лежащей далеко за рамками, скажем так, диалога культур. Для ее упрощения пришлось разбить процесс на три части.

Сперва – краткое описание обстоятельств моего знакомства с автором. После – еще более краткое описание действующей русской поэтической речи. Лишь в конце – непосредственно о книге.

Что было тогда, в девяностом году, – помню смутно. Это не должно настораживать: говоря словами Робина Уильямса, если вы помните шестидесятые, вы тогда не жили. Существовал так называемый «Ленинградский дом мира и милосердия» – огромный сквот в Свечном переулке. Там, в одной из полупустых квартир, мы как-то и познакомились. Маша, родом из Болгарии, писала стихи и песни на русском. Потом я вернулся в Москву, а Маша, по слухам, уехала в Болгарию.

Спустя пятнадцать лет в блоге поэта Павла Гольдина я обнаружил переводы его стихов на болгарский, выполненные некоей Марией Вирхов. Шутки ради поинтересовался, не та ли это Мария, что жила в начале девяностых в Петербурге. Ответ – от нее самой – получил утвердительный.

Здесь должен быть связный переход от личного знакомства к стихам, а после – от стихов к «стихам вообще». По-моему, переход связный.

У русской поэзии есть одна беда нынче: чудовищное давление культурной, «сформировавшейся» речи, которое губит собственно поэтическое высказывание на корню, заставляя более или менее осознанно прибегать к различным суррогатным практикам. Вирхов этого давления – что с нее взять, иностранка! – то ли не чувствует, то ли не замечает.

«Луцифер пее!» – отчего бы не оборвать на цитате, выбранной подчеркнуто наугад.

Сергей Соколовский

содержание

